

7.04.93

Реплика в споре

Я НЕ СОГЛАСЕН с Владимиром Корниловым, что надо «пропустить», «замотать» юбилей Маяковского, Маяковский не жаловал юбилей («Не юбилейте!»), но по поводу 125-летия со дня рождения Пушкина написал замечательное стихотворение «Юбилейное» — увидел случай объясниться с тем, кого по молодости «бросал» с Парохода современности. Почему же и нам не воспользоваться юбилейным поводом для объяснений с Маяковским? Корнилов, кстати, и воспользовался, его статья «Не мир, но миф!» с полемическим подзаголовком «Неюбилейное» («ЛГ», № 23) как раз посвящена творчеству поэта. Не обошлось, правда, и без «футуристических» эффентов, того же бросания с Парохода современности, удаления из школьной программы — уже Маяковского.

Но Владимир Корнилов отдает дань могучему дару поэта, видит, как он «велик и неповторим». Спор же с Корниловым о том, о чем и с покойным Ю. Карабчиевским («Воскресение Маяковского»); Корнилов отказывает Маяковскому в искренности. В талантливо написанной книге Карабчиевского аналитическое начало на многих страницах сгущается эмоционально выраженным неприятием личности поэта. Корнилов свободен от предвзятости.

Как поэт Корнилов острее многих чувствует фальшь в стихах, и нельзя с ним не согласиться, когда он приводит примеры отталкивающего свойства. Да и много ли было поэтов на Руси, чья лира не исторгала порою нестерпимый звук? Я лишь хочу спросить: есть ли основания огульно относиться к неправде «десять десятих» из написанного Маяковским? Ведь он естественным путем шел к революции, ведь прав сам Корнилов — «в нем было неодолимое бунтарство».

Мне кажется, оценка некоторых явлений культуры, ее деятелей, их поступков в 20-е и 30-е годы дается сегодня с каким-то сдвигом времени и об-

Юбилейное, но — не речи и фимиам

стоятельств. Может быть, нам надо внимательнее прислушаться к мнению современников поэта? Как воспринимали Маяковского люди, чуткие к фальши, хорошо знавшие поэта, сами пережившие время революционных потрясений? Почему бы не поверить М. Цветаевой, которая уже после смерти поэта сказала: «Маяковский насмеял человека», «Маяковский — отдача». Человеку отдающий не может быть безнравственным. Б. Пастернак считал, что революционность Маяковского — «революционность самородная, совершенно особого рода... индивидуалистического типа, которая способна соперничать с официально признанным каким-то тоном нашей революции». Наконец, Р. Якобсон заявил, что Маяковский «воплотил в себе лирическую стихию поколения». Это все к вопросу об искренности Маяковского, о правде и неправде в его стихах. Я не привожу свидетельств других современников — В. Шкловского, В. Катаева, А. Луначарского. Может быть, еще слова Марка Слонима: «Маяковский воспевал и Мосельпром, и Сибирскую, и Ленина, и Октябрь, потому что он верил в их спасительную силу, а не потому что ему хорошо платили за его стихи». Верил.

Ну вот, заслонился авторитетами, а что же сам?

Вновь и вновь перечитывая Маяковского, я, конечно, вижу, где слово поэта дает сбой. Отличаю места и строки принужденные от искренних, согретых жаром сердца. Но я верю в его веру, как до поры до времени верил сам, хотя в чем-то сомневался, в чем-то ошибался, в чем-то шел на компромисс. Но — верил. Как быть со мной, с такими, как я? Наша личное дело? Да, конечно. А кто сказал, что не придут читатели, которые поймут и почувствуют Маяковского и его время так же, как современники?..

Попробуем пообщаться с Маяковским иначе. «Уж очень емкая у него строка!» — с восхищением замечает Корнилов и тут же добавляет, что «Маяковский поднимал своей строкой целую тонну. Другое дело — чего...». Это действительно вопрос вопросов — чего? В нем бы разобраться не на газетном листе — и все же... Нагрузка на строку у Маяковского зависит от темы, от сути, от личного опыта. Вот хоть один пример из последних агитстихов: «Кривая прогулов снизилась, спала. Заметно и просто: глазу. Но мало того, что прогулов мало! — И труд использовать до отпазу». Нагрузка строки тут равновелика ее весу в газетной передовице 20-х годов. А вот другие строки: «С каким наслаждением жандармской кастой я был бы исхлестан и распят за то, что в руках у меня молоткастый, серпастый советский паспорт». Амбициозная агитка, но — как пригнано слово к слову, строка к строке и как они наполнены!

Или возьмем отнюдь не легкий пример — поэму о Ленине. Ее середина часть преодолевается с трудом, хотя автору не откажешь в умелой выработке строки, в ее емкости. Но даже сознание человека моего поколения, напичканное идеологией разных уровней, слабо воспринимает ее поэтическую интерпретацию. Останавливаю только хлесткие, величественной чеканки куски, строфы и строки. К примеру, большой фрагмент о партии. Я не знаю, сколько тут искренней веры, сколько принужденного пафоса и, может быть, сервилизма, но как это написано!

А вот строки о смерти, о проводах Ленина:

Улица, будто рана сквозная —
так болит
и стонет так...

Мне кажется, такие стихи нельзя написать, не пережив потрясения. Ведь Маяковский еще в 1920 году написал: «Я в Ленине мира беру славу и веру мою». Говорил неправду, крижил душой? Но для чего, из какой корысти? Позднее (в поэме, в стихотворении «Разговор с товарищем Лениным») он создал идеализированный образ революционера, Ленина, может быть, отчасти в пику политическим перерожденцам, которых он сделал предметом сатирических обличений.

И как раз сатира Маяковского не позволяет согласиться с утверждением Корнилова, что он «мира ни в себе, ни вокруг себя не знал и жил мифом». Сам образ жизни, творческое поведение поэта ставили его в позицию деятеля, работника и, стало быть, реалиста («И мы реалисты, но не на подножном корму...»). Маяковский зорко ухватывал подробности жизни, видел «нищ и оголь» и «разных мерзавцев», что «ходят по нашей земле и вокруг».

Это все не миф, а — мир, жизнь, ее проказы. Тема его сатиры.

Миф Маяковского — будущее, «коммуна во весь горизонт»: «это место, где исчезнут чиновники и где будет много стихов и песен». Над наивностью представлений Маяковского о будущем сегодня можно посмеяться, но он был поэт!

Фантазия Маяковского рвалась из земного плена, он жаждал установить связь с Вселенной, разгадать, кому это нужно, «чтобы каждый вечер над крышами загоралась хоть одна звезда!» Он материализовал свои представления о космосе: «Вселенная спит, полонив на лапу с клешнями звезд огромное ухо». Маяковский хотел наладить диалог с «мирозданием»: «Ты посмотри, какая в мире тишь! Ночь обложила небо звездной данью! в такие вот часы встаешь и говоришь векам истории и мирозданию».

Эти последние строки из неоконченного — как и вступление к неаписанной поэме о пятилетке «Во весь голос» (прощальный монолог поэта) — показывают, какой огромный потенциал лирического поэта остался еще не использованным. И в этом трагедия художника.

Ал. МИХАЙЛОВ

Маяковский В. В.